

РАБОТАЯ НАД ФИЛЬМОМ «ЧЕТВЕРТАЯ МИРОВАЯ», РЕЖИССЕР ВАСИЛИЙ ПИЧУЛ ПОЛУЧИЛ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВЗЯТЬ ИНТЕРВЬЮ У БЕН ЛАДЕНА. ПИЧУЛ ОТКАЗАЛСЯ

Терроризм без Басаева

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

В нынешнюю субботу завершается показ по НТВ документального цикла «Четвертая мировая» режиссера Василия Пичула. Почему четвертая? Закадровый голос, предваряющий каждую серию, объясняет: «У каждой войны есть признанная дата. Первая мировая началась 1 августа 1914 года. Вторая мировая — 1 сентября 1939 года. Третьей мировой была холодная война, которая началась 5 марта 1946 года с речи Черчилля в Фултоне и закончилась тотальным поражением Советского Союза в 91-м. Началом четвертой мировой можно считать 11 сентября 2002 года. Именно в этот день человечество перешло очередной рубикон своей непростой судьбы».

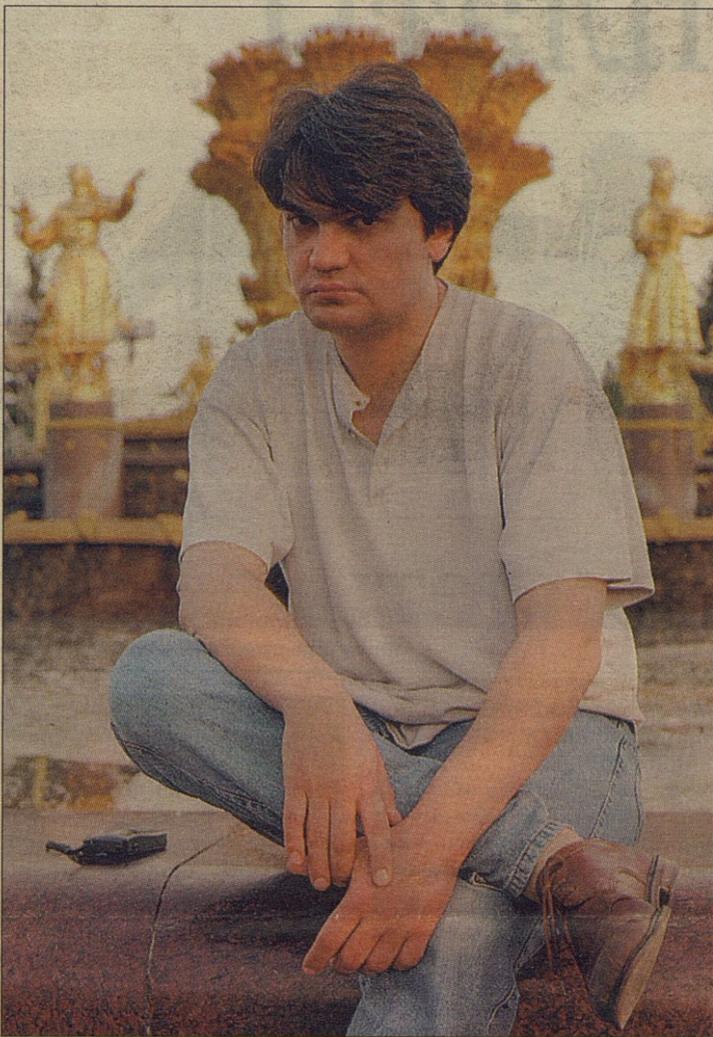
С режиссером Василием ПИЧУЛОМ беседует обозреватель «МН». — Вашу «Четвертую мировую» можно назвать злободневной, а можно — конъюнктурной. В зависимости от того, как посмотреть. Скажите честно: был заказ?

— Да, два года назад я получил предложение от канала снять фильм о терроризме и о его истории. Я согласился.

— Говорю о подозрении в конъюнктурности еще и потому, что одна из картин, «11 сентября», сделана без всякого сочувствия к Америке и американцам. Мол, получили то, что заслужили. Да и состав экспертов у вас весьма характерен: политолог Кургиян, писатель Лимонов, лидер французских националистов Ле Пен. Эти люди не любят Америку. Вы — тоже?

— Америку нельзя не любить. Это прекрасная страна. Но политику, которую она проводит, я считаю преступной и направленной против человечества. Четвертая мировая — это война, которую США ведут против всего остального мира. — Очень созвучно сегодняшним российским настроениям.

— Я вам больше скажу. Эта серия была еще более жесткой по отношению к Америке. И канал категорически отказался выпускать ее на экран в таком виде. Просто визг стоял: «Никогда, ни за что!» Пришлось что-то смягчать, корректировать. К тому же «Четвертая мировая» была готова к эфиру в сентябре. А тут Беслан, взрыв двух самолетов, теракт у метро «Рижская»... В итоге картина полгода пролежала на полке. И я благодарю руководство канала «Россия»

Режиссер и один из героев его документального цикла

за то, что сочло возможным передать права на фильм каналу НТВ.

— Погодите. Фильм снимался по заказу канала «Россия»?

— Именно так. Вероятно, поэтому к нему и возникли претензии.

— Какие претензии?

— Ну не конкретно к моей работе. Претензии универсального свойства. Просто все, что показывается по каналу «Россия», воспринимается как государственная точка зрения. А наш фильм эту точку зрения не отражает. Мы забрасывали кассеты в Администрацию президента: ребята, посмотрите, мы там ничего против вас не говорим. Да-да, показывайте, отвечали нам. Тем не менее фильм на «Россию» не вышел.

— Судя по фильму, у вас не было желания личным высказыванием поучаствовать в общественной дискуссии о терроризме. Вы ставили перед собой узкопросветительскую задачу?

— Для меня документальное кино — способ удовлетворения собственного интереса к тому, что происходит в мире. Терроризм — это злободневно. Это происходит сей-

час и, к сожалению, будет продолжаться еще значительное время.

— Среди персонажей цикла «звезды» терроризма: бен Ладен, Рамирес Карлос, Че Гевара... Кто-то из них радикальный исламист, кто-то одержим идеей мировой революции. В какой мере вас интересовали религиозные истоки терроризма и в какой политической?

— По правде сказать, не интересовали ни те, ни другие. Я убежден, что многие проблемы, с которыми сталкивается мир, в том числе и проблема терроризма, имеют финансовую подоплеку. А религиозные или политические мотивы — это пускание пыли в глаза.

— Кому?

— Ну, скажем, тем людям, которых призывают под знамена радикального ислама. Или тем, кого зовут на политические баррикады. Главное тут — отвлечь внимание рядовых боевиков от того места, где лежат деньги. Чтобы они не понимали, ради чего гибнут. Ведь, в сущности, все современные мировые конфликты вращаются вокруг того, что называется энергоносителями. По-

просту говоря, вокруг нефти. И вокруг вопросов, кто будет владеть этой нефтью, кто будет определять цену на нее и в конечном счете кто будет править миром.

— Не думаю, что дело только в этом. Из вашего фильма понятно ведь и другое: терроризм — это убийственный отклик на несовершенство мира, крайний способ протеста.

— Да, это там тоже есть. Но финансовая составляющая терроризма все же, на мой взгляд, важнее. Конечно, те же моджахеды свято верят в свою идею, но их вера используется плохими парнями. За каждой террористической организацией стоит еще одна — та, что берет на свое вооружение стремление людей к справедливости, созданию иного миропорядка. Боевики — всего лишь исполнители тех задач, которые перед ними ставятся. Хотя часто их используют и втемную. Поэтому я не считаю терроризм неким самостоятельным явлени-

ем. Оно становится самостоятельным лишь тогда, когда вырывается из-под контроля кукловодов. Тот же бен Ладен — кукловод, четко осознающий свои интересы. Кстати, мне предлагали интервью с ним.

— Интервью с бен Ладеном?

— Да. И недорого — всего за пять тысяч долларов. Давайте, мол, вопросы, и мы вам запишем кассету. Бред, конечно. Ни одна телекомпания мира, кроме «Аль-Джазиры», интервью с бен Ладеном никогда не поставит в эфир. Но я понял: если бен Ладен существует, то он где-то рядом, его долго искать не надо. Точно так же, как в непосредственной близости от нас находится Шамиль Басаев.

— Басаев-то в вашем фильме даже не упомянут. Семь серий о терроризме — и ни слова о Чечне. Почему? Вы побоялись нарушить табу на эту тему, установленное российской властью?

— Мой друг Маркус Вольф (бывший глава внешней разведки ГДР. — «МН») любит говорить: «Правда, как всегда, лежит посередине». Ну, что вам сказать... Прохождение в эфире объективной информации о Чечне — проблема. И хочешь не хочешь, об этом приходится думать. Чтобы потом какой-то эпизод не выкинули вместе с фильмом.

— Но у вас же была возможность поставить Басаева в один ряд с тем же бен Ладеном, вписать Чечню в контекст мирового терроризма, как это делает власть. И не было бы никаких проблем с эфиром.

— Я скажу, возможно, неожиданную вещь. Я не считаю, что существуют международный терроризм. Его придумали политики для достижения своих целей.

— Возможно, и так. Но даже в фильме «Шахиды» вы обошлись без чеченских женщин-смертниц.

— Нет, там есть один эпизод. Речь идет как раз о чеченских девушках, которые готовились себя взорвать. Но в основном я делал этот фильм на палестинском материале. И в работе над ним пришел к некоторым открытиям для себя. Раньше-то я смотрел на шахидов, как смотрят израильтяне: мол, пятьдесят тысяч долларов — и самовзрывание гарантировано. Но когда я перебрался на Западный берег реки Иордан, побывал в секторе Газа, я увидел другое. Я увидел, что смертники — люди с высшим образованием, из обеспеченных семей. Для них деньги не главное. То, что они совершают, делается по глубокому убеждению. Выросло целое поколение, которому не надо беспокоиться за кусок хлеба. И не надо идти на смерть лишь затем, чтобы прокормить родных и близких.

— Как повлияли на содержание фильма его эксперты — и работающие в кадре бывшие сотрудники российских спецслужб, и не попавший на экран главный консультант Олег Нечипоренко, ветеран внешней разведки КГБ?

— Олег Нечипоренко — просто мой сосед по даче. Дело в том, что любой сотрудник СВР, пусть даже в отставке, должен получить разрешение на интервью. Олег Нечипоренко как раз и выступил гарантом нашей благонадежности. Убедил своих, что никаких материалов мы врагу не передадим. Вообще СВР — это волшебная организация... ■

ЗА

Дмитрий ОРЛОВ, генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций:

— Фильм «Четвертая мировая» — антология современного терроризма. И документальное исследование его корней — политических, религиозных, психологических. Само обращение к этой теме представляется мне чрезвычайно своевременным. Привлекает и то, что авторы дали широкую историческую панораму событий: война на Балканах, похищение и убийство боевиками из «Красных бригад» итальянского премьер-министра Альдо Моро, теракты, совершенные ирландскими экстремистами, преступления палестинских шахидов... Из всего этого вырастает картина современного мира, переживающего новые угрозы, отвести которые никто пока не в силах.

Виталий МАНСКИЙ, режиссер-документалист:

— В этом фильме отсутствует авторская позиция. Вместо нее — некая мозаика происходящих в мире процессов. Нет, я не хотел бы, чтобы фильм навязывал какую-то позицию, но как зритель я хотел бы ее почувствовать. Кроме того, меня напрягает всеядность этой картины. Причем нередко — внутри серий. В том числе и всеядность идеологическая. И еще. Только в нескольких интервью я почувствовал, что люди говорят с российской аудиторией. Прочие же интервью совершенно безадресны. Хотя если российский режиссер снимает такой фильм, он должен искать переключку событий, случившихся в мире, с нашей собственной реальностью.

ПРОТИВ